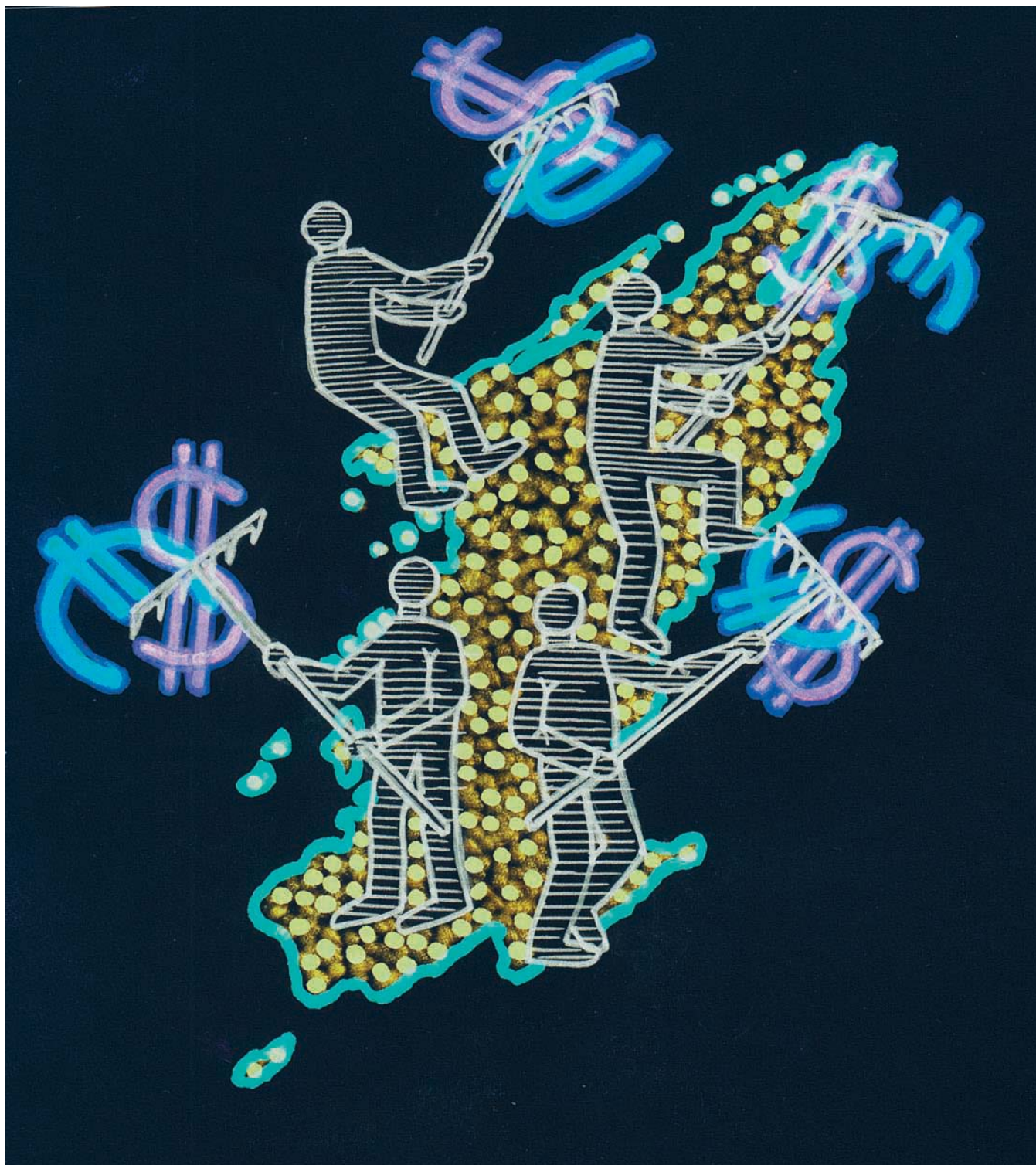

Алексей Долженков Экспорт без страха

Отмена штрафов за нерепатриацию валютной выручки и общее упрощение валютного контроля скорее всего не приведут к оттоку валютной ликвидности из России. Зато это может простимулировать отечественный экспорт и вернуть в Россию потоки денег, оседающие на счетах зарубежных торговых домов наших экспортеров

В конце мая на российском денежном рынке стало не хватать долларов, а банковские аналитики заговорили о росте спроса на привлеченные валюты через операции своп с одновременным повышением стоимости этих операций для банков.

Сразу вслед за этим, в начале июня, Минфин увеличил объем интервенций до рекордных 320 млн долларов в день — в мае этот показатель составлял 255 млн долларов. По мнению аналитиков Росбанка, столь резкий скачок интервенций объясняется ростом цены на нефть в мае (+7,3% к апрелю). «Мы полагаем, что рост объемов покупок станет негативным фактором для рубля в условиях ожидаемого сжатия профицита счета текущих операций», — отмечают в Росбанке. За последнюю неделю мая рубль упал на 2,25%, правда, потом частично укрепился.

Основным фактором нехватки валютной ликвидности аналитики называют выплаты по внешнему долгу. Согласно прогнозному графику ЦБ, выплаты по долгу небанковского и негосударственного секторов должны были составить 5,3 млрд долларов в апреле, 1,9 млрд долларов в мае и 4,4 млрд долларов в июне. Отток средств в валютной части баланса страны в апреле составил 10,6 млрд долларов, из которых 7,4 млрд пришлось на расчетные счета и депозиты корпораций.

Однако аналитики отмечают, что дело не только в выплатах по долгам — свою роль сыграл и тот факт, что экспортеры не спешат возвращать валютную выручку в страну. «Учитывая большой размер сальдо счета текущих операций (12 миллиардов долларов), причиной которого стали высокие цены на нефть, такой отток средств из банковской системы означает, что в апреле произошел и заметный вывод капитала, не связанный с исполнением обязательств по внешнему долгу», — рассказывает старший аналитик по финансовым рынкам Райффайзенбанка **Денис Порывай**. — Размер этого вывоза мы оцениваем примерно в шесть миллиардов долларов. В частности, он мог появиться в результате меньшего поступления выручки от экспортеров в российские банки и (или) выхода нерезидентов из российского госдолга».

С другой стороны, заместитель начальника Центра экономического прогнозирования Газпромбанка **Максим Петроневич** отмечает, что экспортеры возвращают выручку, однако могут не в полной мере конвертировать ее в рубль — валюта необходима им для осуществления выплат по внешним долгам и других расчетов в валюте с зарубеж-

ными партнерами в рамках текущей и инвестиционной деятельности. «Объем валютной ликвидности на балансах банков растет и находится на максимальных с 2016 года уровнях. При этом банки все больше отдают предпочтение ликвидности в наличном виде: ее объем с мая 2017 года вырос втрое, с 5 до 15 миллиардов долларов, в то время как объем средств на корсчетах в банках-нерезидентах сократился на 4,5 миллиарда долларов», — рассказывает г-н Петроневич. Вместе с тем он считает, что ослабление рубля в апреле-мае было вызвано временным оттоком средств иностранных инвесторов. Однако ситуация нормализовалась, и спрос на российские бумаги начинает вновь увеличиваться. В качестве фундаментальных для рубля факторов эксперт из Газпромбанка отмечает высокие цены на нефть, снижение темпов роста импорта и низкий объем внешних погашений в 2018 году — они поддерживают рубль и в отсутствие дополнительных факторов будут способствовать умеренной волатильности на валютном рынке. В Райффайзенбанке тоже призывают не волноваться по поводу курса: Денис Порывай отмечает, что дорогая нефть позволит избежать дефицита валютной ликвидности, по крайней мере до осени.

Вина экспортеров не доказана

На основе этих данных возникает желание частично возложить вину за нехватку валютной ликвидности и ослабление рубля на экспортеров. На этом фоне могут также показаться не очень понятными инициативы Минфина, ЦБ, а в последнее время и Минэкономразвития по ослаблению валютного контроля.

Конечно, можно обвинить экспортеров в нежелании мыслить более масштабно: в России дефицит валютной ликвидности, возможен дефицит платежного баланса, все это отрицательно сказывается на курсе отечественной валюты и в итоге на благосостоянии граждан. Однако нужно понимать один важный момент. Репатриация валютной выручки, может, и повлияет на показатели платежного баланса, но это будут не говорящие ни о чем цифры, если экспортеры не будут продавать валюту на внутренних рынках. Вопрос репатриации на желание продавать валюту экспортерами практически не влияет.

«В настоящее время российское законодательство обязывает в установленный срок вернуть выручку по зарубежным контрактам в Россию. Причем речь идет именно о выручке, а не об уплате каких-либо налогов. Но в следующую секунду после репатриации эту выручку можно перечислить куда угодно, у

меня нет обязательства продавать ее внутри России — у нас объявлена свобода передвижения капитала. Я могу аккумулировать выручку на валютном счете в Сбербанке и сразу купить на нее ценные бумаги за рубежом. Что, собственно, сейчас и происходит, с той лишь разницей, что компании тратят валюту не на покупку ценных бумаг, а на погашение долгов», — рассказывает член координационного совета «Деловой России», исполнительный директор компании «Аргус Спектр» **Михаил Левчук**. Получается, что, даже вернув валюту в страну, компании вовсе не обязательно заводят ее на отечественный валютный рынок. Михаил Левчук добавляет, что до 2007 года помимо требования о репатриации было требование о продаже части валютной выручки на внутреннем рынке — тогда в репатриации была некоторая логика.

«Можно было бы считать эту меру защитой от мошенничества с незаконным выводом капитала за границу, если бы ФНС не было бы супер-дата-центра, который вычисляет неплательщиков до двадцать пятого колена. Когда-то с фирмами-однодневками действительно боролись тем, что заставляли их репатриировать валютную выручку. Это экономически целесообразно, когда речь идет об огромных деньгах, о продаже нефти, металлов и так далее. Сейчас же с точки зрения контроля за налогами государство совсем в другом состоянии», — заключает г-н Левчук.

Зато требования по репатриации весьма сильно бьют по экспортерам, особенно небольшим.

Исполнительный директор группы РЭЦ (Российский экспортный центр) **Алексей Тюпанов** добавляет, что, по статистике Банка России, экспортные сделки обычно не используются для вывода капитала за рубеж. «Мы выступаем за отмену требования репатриации валютной выручки. Сейчас законодательство предусматривает наказание экспортера даже в случае, когда выручка получена, но позже, чем экспортер планировал изначально. Такая жесткость представляется избыточной. Сохраняющиеся ограничения особенно негативно отражаются на экспорте малых и средних предприятий, а также экспортеров услуг и информационно-технологической продукции», — разъясняет представитель РЭЦ.

Выкручивают руки

Поэтому неудивительно, что в условиях тотальной цифровизации, увеличения эффективности контроля, да и санкций против России ЦБ, Минфин и Минэкономразвития прислушались к голосу экс-

Если контрагент не перечислил деньги, бизнесмен не только несет убытки, но и попадает на штраф за невозвращение выручки

ИГОРЬ ШАПОШНИКОВ

портеров и начали постепенный процесс ослабления валютного контроля.

Напомним, что с 1 марта этого года вступили в силу новые правила оформления экспортных сделок от ЦБ, по которым отменяется паспорт сделки и упрощается документооборот. А Минэкономразвития готовит новый комплекс мер по изменению бизнес-климата, включающий в себя предложения об ослаблении валютного контроля.

Готовятся и другие изменения, призванные облегчить жизнь экспортеров.

«Сейчас прорабатывается проект изменений к статье 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Он предполагает введение тридцатидневной отсрочки от установленного внешнеторговым договором срока обязанности получения иностранной валюты на свои банковские счета в уполномоченных банках, — рассказывает совладелец и президент корпорации «Технокол» Сергей Колесников. — Но этого недостаточно, так как экспортер часто сталкивается с риском возникновения претензий по поставкам продукции (например, по сроку, качеству). Урегулирование подобных споров в среднем занимает до трех месяцев, а в случае проведения независимой экспертизы срок еще увеличивается. Экспортеры предлагают государственным органам все-таки рассмотреть возможность увеличения срока отсрочки до 90 дней».

«Когда иностранный контрагент знает, что у нас такое валютное законодательство и жесткие сроки репатриации валютной выручки, он может — и многие этим действительно пользуются —

выкручивать экспортеру руки», — добавляет Михаил Левчук.

К тому же, как объясняет г-н Колесников, экспортеры призывают не к отмене штрафов, а к приведению системы штрафов к реалиям бизнеса. Сейчас предпринимателей фактически наказывают за деятельность контрагентов. Складывается ситуация, когда бизнесмен поставил продукцию, ему контрагент не перечислил деньги в соответствии с условиями контракта — в итоге бизнесмен и так уже несет убытки, так еще он вынужден за это заплатить штраф. «Во многих странах мира есть свои особенности ведения бизнеса. Например, в Италии в принципе не принято платить по контрактам вовремя. И в итоге поставлять продукцию в некоторые государства становится просто опасно, так как можно попасть под штрафы в России», — говорит г-н Колесников.

Конечно, можно застраховаться от невыплаты, современные страховые схемы это позволяют. Однако в страховании экспортных контрактов есть важные особенности. «Это возможно, когда у вас одна турбина, которую вы поставили в Бангладеш, это межправительственное соглашение, — объясняет Михаил Левчук. — Если же у вас тысяча маленьких контрактов в разных странах, вопрос страховки становится очень накладным и муторным. Кроме того, если ты страхуешься в ЭКСАР — это одна история, если страхуешься в другой страховой компании — другая история».

Не давить на экспорт

Не секрет, что существует некоторое неравноправие малых, средних и крупных

экспортеров — последние могут практически целиком избежать проблем с нерепатриацией валютной выручки, а вот небольшим экспортерам это не удается. Поэтому желающие экспортировать изобретают разные схемы, которые сводятся к организации зарубежных компаний. «Эти проблемы приводят к тому, что люди не хотят экспортировать, или к тому, что экспорт организуется через создание торгового дома за границей. Налоги платятся там, рабочие места создаются там. Этот торговый дом выполняет все требования российского законодательства. Соответственно, вся деятельность, чтобы не нарушать валютное законодательство, ведется через него. Это хороший способ, и многие большие компании действуют именно так. Однако такие торговые дома могут позволить себе только крупные компании, а во-вторых, такие торговые дома можно создать только на ограниченном количестве рынков. Получается, что мы ограничиваем экспорт для всех малых и для многих средних компаний, а для тех средних, которые могут сделать это, мы ограничиваем число внешних рынков», — разъясняет г-н Левчук.

Получается, что вопрос отмены или снижения штрафов за нерепатриацию на валютной ликвидности в стране скажется несильно, а вот жизнь экспортерам, особенно средним и мелким, облегчит существенно. Это как раз и может привести к росту экспорта, и, как следствие, к увеличению притока валюты в страну.

По мнению Сергея Колесникова, важна и декриминализация законодательства, связанного с нарушениями в сфере валютного контроля, в частности статьи 193 УК РФ, — для этого бизнесмены предлагают существенно увеличить объем нерепатрированной выручки, за которую эта статья может грозить. «Мы предлагаем увеличить в пять раз по сравнению с действующими нормами минимальный размер суммы незачисленных или невозвращенных денежных средств в иностранной валюте или в валюте Российской Федерации по однократно либо неоднократно в течение одного года проведенным операциям до 45 миллионов рублей (в крупном размере), а в особо крупном размере — до 225 миллионов рублей», — говорит г-н Колесников.

В свою очередь Российский экспортный центр тоже готов поддержать поэтапное движение к отмене требования о репатриации, в том числе через внедрение системы управления рисками в валютном контроле и через смягчение требований, в первую очередь к тем категориям экспортеров, с которыми риск возникновения недобросовестных действий минимален. ■